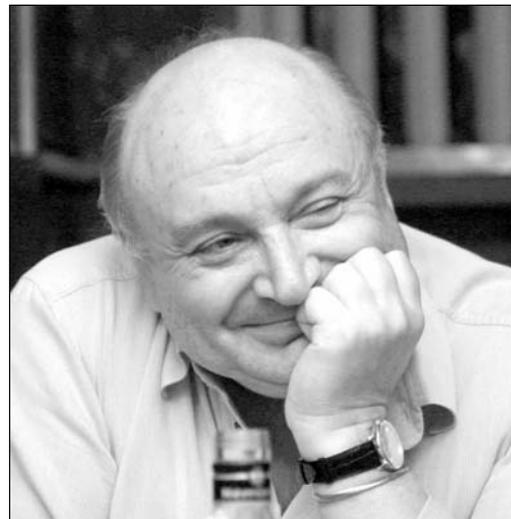

**Особая благодарность —
фирме
"ХАРРИСОНС-ТРАНС-СЕРВИС"**
Выражаем признательность за помощь:
фирме "ФАГОТ",
фирме "АРХО",
агентству недвижимости "КАПИТАЛ",
а также Михаилу Пойзнеру.

Распространение марксизма

Вот жизнь наступила. Похвастаться уже некому. Пожаловаться — еще есть.

Для рассказа об успехах нужен слушатель редкой силы и самообладания.

Сколько вокруг друзей с испорченным настроением.

— Ты где был?

— Та тут знакомый дом построил.

— Ну что? Плохой?

— Та не... Такой, со вкусом... Едрэньт. И не

то чтоб дорогой. А шикарный... Там мрамор. В общем, где он прятался... И так все красиво у мерзавца.

— А ты не любил его?

— Та не. Любил его, суку. Но не ожидал... Как-то без друзей... Не посоветовался, построил. И главное, проговорился, сволочь, что дела идут хорошо. Вот что плохо...

— Ну и что?

— Он напрасно такое говорит. Людям такое говорить. Представляешь?

— Так, если дела идут хорошо.

— Может быть... А говорить такое нельзя. Ты газеты почитай. Плохо, плохо, плохо. А вот еще хуже... А зимой будет гибель, а весной подохнем, а осень не переживем... А за это время знаешь, сколько дворцов понастроили, в том числе и те, кто пишет.

И с помощью пострадавших, под стук колес — плохо-плохо-плохо-хуже.

Плохо-плохо-плохо-хуже.

Приятно наблюдать отсутствие дураков в пишущих структурах и присутствие умниц в контролирующих органах.

Зачем марксизм в людях вызывать?

Маркс, чье имя долго гремело и еще звучит, все рассчитал правильно и человечно. Снизу на пригород смотришь, все нормально — заборы-заборы-заборы. Сверху посмотришь, в душе начинает тебя грызть марксизм. Крыши, дома, особняки, бассейны, как в микроскопе колонии бактерий.

Особенно в солнечную погоду.

В туман полегче.

Но марксизм еще ничего. Это тихое такое. Внутри грызет и кислотой хозяина выедаёт. Хуже, когда в людях ленинизм начинается. Это уже кислота наружу выходит.

Ленинизм — это разлившийся марксизм. Тут не дай бог спичка или огонек, или искра, или шутка не к месту. Вспыхивает на века.

Есть инкубационный период, пока марксизм внутри развивается, человек друга ищет. Соединитесь и т. д.

При ленинизме — врага. Ленинизм — это открытая форма марксизма. Тут о себе думать некогда. Тут вообще не до себя. Только о враге. Врага давай. Будет враг — друзья найдутся. Как говорится, начни отнимать — помощники набегут.

В этом красота теории. Вначале враг наружный, потом враг внутренний, потом семейный, потом в детях. Теория правильно предлагает уничтожить врага, чтоб погасить в себе марксизм.

Вначале врага яркого, видного, розовощекого, в духах и ароматах, который, не выдержав своих успехов, возвел-таки... и ковры постелил, и медью покрыл, и все это стоит, сверкая, наводя на себя марксизм, который, как компас, в человеке наворачивается дурным концом к хорошей архитектуре и всей силой бьет по куполу.

После соседа яркого и ароматного бьет сдержанного, который гораздо умнее, а все равно не выдерживает, и по понедельникам, чтоб не привлекать внимания, камбалу ест, а по ночам в ночном мерседесе разъезжает с фарами, горящими в ночи.

Потом бьет соседа совсем скрытного, с плохим запахом изо рта, что в закрытом гараже, в закрытом мерседесе сырыми ночами ест жареную камбалу уже несвежую, о которой не знает даже жена.

Марксизм в людях не ошибается и бьет точно. После обеспеченного бьет талантливого, а потом и просто способного, правильно подозревая в нем будущую обеспеченность. Избавиться от этого полностью нельзя.

Маленькая злокачественная марксинка гнездится в каждом до поры, а при всеобщем возбуждении выходит зрелым ленинизмом, поражающим народы.

Марксизм бывает черная и белая. Белая, говорят, у творческих работников друг к другу. Кто лучше спел или написал, тому не сразу, но прощают. Белую марксизм носят в себе, и довольно долго, криво улыбаясь и плохо аплодируя.

Но к тому, кто не только спел, но и приоделся в цепи и хоругви, к тому испытывают глубочайшую черную марксизму с радужным ореолом.

Как же, мол, и голос — дерьмо, и музыка — дерьмо, и сам недалекий. И раньше таким не был. И жадный, и за копейку удавится. И все себе. На старость якобы. Хотя при таком отношении к окружающим точно не проживет.

Когда все живут одинаково, марксизм в человеке все равно выделяется. Этот премию получил, тот не болеет. Этот изобретатель. Этот в лесу ученый.

Но, когда уже все заражены, марксизм переходит в открытую стадию и грозным ленинизмом за пределы государства выходит. Он уже по отдельным людям не стреляет. Ему народы интересны, что нагло, богато и противно живут на глазах у всех. Шикарно передвигаясь, лечась и изобретая и, что особенно противно, сберегая...

И, что еще противнее, оружие у них тоже, хотя и кроме оружия есть еда, вода и электричество. А в дальние районы ведет асфальт, не стратегический, а всеобщий, для завезения снабжения продуктов населению...

Тут уж лучше, чтоб марксизм испытывали отдельные люди, пусть и в больших количествах, чем один народ к другим народам, скрежеща зубами в виде марша, что чревато опасностью и грозит полной потерей ископаемых, единственного богатства бедных народов.

С трудом завершая поэму, можно сказать, что жалобы и стоны — прямой путь к дружбе и человеческому общению.

Рассказы же об успехах и высоких заработках требуют слушателя редкой силы и самообладания.

Теперь таких нет.

